

Повседневно руководить коммунистами-одиночками

В управлении пищевой промышленности работают четыре коммуниста. Трое из них члены партии — управляющий тов. Хоменко, заведующий складом тов. Лавриненко и главный инженер т. Маракулин. Один кандидат партии — товаровед тов. Таубе.

В уставе партии сказано, что при наличии трех членов партии можно создавать первичную партийную организацию, там, где меньше трех членов партии, — кандидатскую или партийно-комсомольскую группу. Но в Ленинском райкоме коммунистов управления пищевой промышленности почему-то предпочитают считать одиночками и партийную организацию не создают.

Если т. Хоменко известен в райкоме как руководитель учреждения, и его приглашают на заседания, вызывают на беседу секретари, зав. отделом пропаганды, то остальных — Лавриненко, Таубе и Маракулина никто в райкоме не знает. Член партии Лавриненко совсем оторвался от партийной жизни. Партийных поручений ему никто не дает.

— Райком меня вызывает часто, — говорит член партии тов. Кравец — управляющий сельхозбан-

ком. — Но вызывают меня больше как руководителя учреждения, а не как коммуниста. О партийной работе со мной ни разу не беседовали.

На недостаточную помощь со стороны райкома жалуется и член партии тов. Гендельман — председатель правления артели «Коммунар». А помощь, совет ему крайне необходимы. Среди рабочих артели массово-политическая работа не ведется. Стенная газета не выходит. Читки газет проводятся от случая к случаю. Есть в артели 8 комсомольцев, но т. Гендельман не сумел привлечь их к активной массовой работе в своем коллективе.

Многие коммунисты-одиночки в Ленинском районе райкомом забыты.

Коммунисты-одиночки на предприятиях и в учреждениях — представители партийной организации. Они должны обеспечивать там партийное влияние на массы. Райком партии должен не только требовать от них выполнения производственных планов, но и прилекать к активной политической работе среди рабочих и служащих.

Ю. П. ФИЛАНОВИЧ.

Большие дела колхозных комсомольцев

Клавдия Шуклина, секретарь комсомольской организации, ходила по родному колхозу, и сердце ее сжималось от боли. Не было ни школы, в которой она училась, ни замечательного нового сельмага, ни хат.

— Где теперь жить будем? — спрашивали Клавдию женщины. Видишь, что натворили немецкие ироды.

— Не горюйте, бабы. Товарищ Сталин не оставит нас в беде, — успокаивала их Клавдия.

И действительно вскоре колхозники получили от государства денежные кредиты. Шуклина собрала молодежь. Решено было всем принять активное участие в строительстве домов колхозников.

На следующий день 8 комсомольцев во главе со своим секретарем Шуклиной направились к жене, павшего смертью храбрых, фронтовика Ефросимы Григорьевны Жилиной. Она купила в соседнем селе амбар и горько сетовала на то, что его не на чем перевезти.

— Перевезем, — сказали комсомольцы.

Василий Енин, Лидия Сагалаева, Анастасия Шуклина и Маруся Тиленина попросили у колхозников коров и перевезли Жилиной амбар. 16-летний Виталий Сагалаев стал плотничать. К нему присоединились старики-плотники Парфений Стефанович Меркулов и Егор Павлович Тиленин. Через три дня Жилиной была поставлена хата. Комсомольцы ее покрыли, обмазали, привели в порядок.

Уже к зиме 1943 — 44 года в колхозе имени Сталина, Погосженского сельсовета, насчитывалось 27 новых добротных хат. 13 из них построили комсомольцы совместно со стариками Меркуловым и Тилениным.

Клавдия Шуклина законно гордилась делами своих комсомольцев, но не давала покоя ни им, ни себе.

С правлением колхоза Клавдия наметила программу действий. В течение зимы колхозники приобрели для ферм 4 коровы, 9 овец, кур. Для будущего строительства заготовили достаточно строительного леса.

Наступили горячие весенние дни. Все трудоспособное на-

селение, в том числе и комсомольцы, вышли в поле, но строительство не прекращается. Созданная Шуклиной и председателем колхоза Русановым постоянная плотничья бригада в составе стариков Парфения Стефановича Меркулова, Егора Павловича Тиленина, Авдея Ивановича Печерского и Федота Ивановича Тиленина деловито хлопочет у строительных объектов.

В сумерках плотников навещает Клавдия со своими комсомольцами. Они только что пришли с поля. Но, несмотря на усталость, помогают старикам копать ямы, возводить стены будущих животноводческих построек.

Комсомольцы взяли на учет весь молодняк рождения 1944 года и законтрактировали для молочно-товарной фермы 14 телат. По предложению Александры Севрюковой комсомольцы посадили для колхоза по одной насадке. Скоро на артельной птицеводческой ферме будет 400 цыплят.

Комсомольская организация является инициатором развития огородничества в артели. Под колхозный огород правление отдало 4 гектара самой лучшей земли. Ее тщательно удобрили, обрабатывали и засеяли луком, свеклой, морковью и другими овощными культурами.

Большую заботу проявила комсомольская организация о полеводстве. В каждом звене есть комсомольцы. Комсомолка Мария Тиленина — бригадир. Ее бригада лучшая в сельсовете. Люди в ней забывают об отдыхе, трудятся подлинно по-фронтовому. Многие из них уже выработали по 125 трудовых, а звеньевая Лукерья Николаевна Глина — 212 трудовых, Анна Никитична Русанова — 170 трудовых, Нина Ивановна Герасимова — 147 трудовых.

Сев бригада Тилениной закончила раньше срока и провела по всем правилам агротехники. Сверх плана посеяно 4 гектара. Сейчас бригада поднимает пары.

Комсомольцы колхоза имени Сталина показывают пример, как надо бороться за возрождение артельного хозяйства.

В. РОССИХИН

Тимской район.

БОЛЬШОЙ СПРОС НА ЛИТЕРАТУРУ

ЛЫГОВ. (Наш собкорр). С каждым днем растет спрос населения на книги. Только в течение мая магазин Лыговского отделения КОГИЗ'a реализовал более 7000 экземпляров различных книг и брошюр.

Магазины КОГИЗ'a комплектуют также библиотечки для сельских изб-читален, куда уже направлено более 3000 экземпляров политической, сельскохозяйственной и художественной литературы, много портретов и плакатов.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

Батарея, которой командует гвардии старший лейтенант Семенов, уничтожила в недавних боях 2 немецких самоходных пушки «Фердинанд», 2 артиллерийских батареи и до батальона пехоты противника.

На снимке: в ожидании команды: «Огонь!»

Фото Л. Великжанина.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

(ОТРЫВОК ИЗ 3-й КНИГИ РОМАНА).

Здесь, на краю русской земли, у отвоєванного морского залива, за столом у Меншикова сидели люди новые, те, что по указанию царя Петра — «отныне знатность по годности считать» — одним талантом своим выбились из курной избы, переобули лапти на юфтовые тупоносые башмаки с пряжками и вместо горьких дум: «За что обрекаешь меня, господи, выть с голоду на холодном дворе?» — стали, так вот, как сейчас — за полными блюдами, хочешь — не хочешь думать и говорить о государском. Здесь были братья Бровкины, Федосей Склаев и Гаврила Авдеевич Меншиков — знаменитые корабельные мастера, сопровождавшие Петра Алексеевича из Воронежа на Свирь, подрядчик-новгородец Ермолай Негоморский, поближе-вающийся глазами, как кот ночью, Петр Павлович Шафиров — первая рука в посольском приказе.

За столом были и не одни худородные: по левую руку Петра Алексеевича сидел Роман Брюс — рыжий шотландец, королевского рода, с костлявым лицом, с тонкими губами, сложившими свирепую, — математик и читатель книг, так же как и брат его Яков, новгородский губернатор: братья родились в Москве, находились при Петре Алексеевиче еще от юных его лет и его дело считали своим делом; сидел соколиноглазый, полный, надменный, с усиками, пробритыми в черту под тонким носом, — полковник гвардии князь Михайла Михайлович Головин, прославивший себя штурмом и взятием Шлиссельбурга, — как и все, он был немалый, бледный и позывал шпорой под столом; сидел вице-адмирал ожидаемого балтийского флота — Корнели Крейс, норвежец, морской бродяга, с глубокими, суровыми морщинами на дубленом лице, с водянистым взором, столь же странным, как холодная пучина морская; сидел генерал-майор Чамберс, плотный, крепколицый, кривоносоый, тоже — бродяга, из тех, кто — поверя в счастье царя Петра — отдал ему все свое достоинство, шагнул, храбрость и солдатскую честь; сидел тихий Гаврила Иванович Головкин, царский спальник, человек дальнего и хитрого ума, помощник Меншикова по строительству города и крепости.

Гости говорили уже все враз, шумно, — иной нарочно начинал кричать, чтобы государь его услышал. В высокой комнате пахло сырой штукатуркой. На белых стенах горели свечи в трех свечниках с модными зеркалами. Горело много свечей и на пестрой скатерти, воткнутых в пустые штофы — среди оловянных и глиняных блюд, на которых обильно лежало все, чем мог подчехнуть гостей генерал-губернатор: ветчина и языки, копченые колбасы, гуси и зайцы, капуста, редька, соленые огурцы, — все привезенное Александром Даниловичу в дар подрядчиком Негоморским.

Больше всего споров и крику было из-за выдачи провианта и фуража, — кто у кого больше перетянул. Довольствие поступало из Новгорода, из главного

провиантского приказа, — летом, на стругах по Волхову и Ладожскому озеру, зимой — по новопроектированной в дремучих лесах дороге, — на склады в Шлиссельбурге, под охрану его могучих крепостных стен; там в амбарах сидели комиссарами земскими целовальниками из лучших людей и по требованию отпускали товар в Петербург для войска, стоявшего в земляном городе на Выборгской стороне, для разных приказов, занимавшихся стройкой, для земских мужиков-строителей, приходивших сюда в три смены, — с апреля месяца по сентябрь, — землекопов, лесорубов, плотников, каменщиков, кровельщиков. Путь из Новгорода был труден, здешний край разорен войной, поблизости достать — нечего, запасов постоянно не хватало.

Петру Алексеевичу было подавно горячее, — лапша. Посланным в разные концы солдаткам удалось для этой лапши найти петуха на одном хуторе, на берегу Фонтанки, у рыбака чухонца, содравшего ради такого случая пять ефимков за старую птицу. Поев, Петр Алексеевич положил на стол длинные руки с большими кистями, на них после бани надулись жилы. Он говорил мало, слушал внимательно, выпуклые глаза его были строгие, страшноватые, — когда же, — набивая трубку, или по какой-нибудь причине, — он опускал их — круглощеёе лицо его с коротким носом, с улыбающимся небольшим ртом, казалось добродушным, — подходи смело, стучись чаркой о его чарку: «Твое здравие, господин бомбардир!» и он, смотря, конечно, по человеку, одному и не отвечал, другому кивал снизу вверх головой, — темные, тонкие завивающиеся волосы его встряхивались: «Во имя бахуса», — говорил баском и пил, как научили его в Голландии штурманы и матросы, — не прикасаясь губами к чарке — через зубы прямо в глотку.

Петр Алексеевич был сегодня доволен, и тем, что Данилыч поставил на зло шведам такой хороший дом, с Нептуном и морской девицей на крыше, и тем, что за столом сидят все свои люди и спорят и горячатся о большом деле, не задумываясь — сколько оно опасно и удастся ли оно, и в особенности радовало сердце, то, что здесь, где сходились далекие замыслы и трудные начинания, все то, что для памяти он неразборчиво заносил в толстенную записную книжку, лежавшую в кармане вместе с изгрызанным кусочком карандаша, трубкой и кистетом, — все это стало в яве, — ветер рвет флаг на крепостном бастионе, из топких берегов торчат сваи, повсюду ходят люди в трудах и заботах. И уже стоит город, как город, еще невелик, но уже во всей обыкновенности.

Петр Алексеевич, покусывая лютарь трубки, слушал и не слушал, что ему бубнил про гнилое сено сердитый Брюс, что кричал, силась дотянуться чаркой, пьяный Чандерс... Желанное, возлюбленное здесь было место. Хорошо, конечно, на Азовском море, белесом и теплом, добытом с ве-

ликим трудом, хорошо ча Белом море, колышущем студеные волны под нависшими тучами, но не равнялись им с морем Балтийским, широкой дорогой к дивным городам, к богатым странам. Здесь и сердце бьется по-особенному, и у мыслей распахиваются крылья и сил прибывает вдвое...

Александр Данилович нет-нет да и поглядывал, как у мин херца все шире раздувались ноздри, гуще валил дым из трубки.

— Да — будет вам! — крикнул он вдруг гостям, — Заладили, — овес, пшено, овес, пшено! Господни бомбардир не затем сюда ехал — слышать про овес, пшено, — Меншиков всей щекой мигнул толстенному, сладко улыбающемуся человеку, в коротеньком, растопыренном кафтане. — Фельтен, налей рейнского, того самого, — и выжидающе повернулся к Петру Алексеевичу. Как всегда, Меншиков угадал, прочел в потемневших глазах его, вот-вот, вот — настала минута, когда все, что давно бродило, клубилось, мучило, прилаживалось и так и этак у него в голове, — отчетливо и уже непоколебимо становилось волей... И тут не спорь, не становись поперек его воли.

За столом замолчали. Только булькало вино, льясь из пузатой черной бутылки в чарки. Петр Алексеевич, не снимая рук со стола, откинулся на спинку золоченого стула:

— Король Карл отважен, но не умен, весьма лишь высокомерен, — заговорил он, с медленностью, по-московски произнося слова. — В семисотом году фортуна свою упустил. А мог быть с фортуной, мы бы здесь рейнское не пили. Конфузия под Нарвой пошла нам на великую пользу. От битвы железо крепнет, человек мужает. Научились мы многому, чему и не чаяли научиться. Наши генералы, вкупе с Борис Петровичем Шереметевым, Аникитой Ивановичем Репниным, показали всему миру, что шведы — не чудо и побить их можно и в чистом поле и на стенах. Вы, дети сердца моего, добились и устроили сие священное место. Бог Нептун, колыбель пучин морских, лег на крыше дома сего вельможи, в ожидании кораблей, над коими мы все трудились даже до мозолей. Но разумно ли, утвердись в Петербурге, вечно отбиваться от шведов на Сестре реке, да на Котлине острове? Ждать, когда Карл, наскуча воевать с одними своими мечтами да сновидениями, повернет из Европы на нас все войска? Тогда нас здесь — пожалуй — и бог Нептун не спасет. Здесь сердце наше, а встречать Карла надо на дальних окраинах, в тяжелых крепостях. Надобно нам отважиться — наступать самим. Как только пройдет лед — итти на Кексгольм, брать его у шведов, чтобы Ладожское озеро, как в древние времена, опять стало нашим, флоту нашему ходить с Севера без опасений. Надобно итти за реку Нарову, брать Нарву на сей раз без конфузии. Готовиться к походу тотчас, камрады. Промедление — смерти подобно!